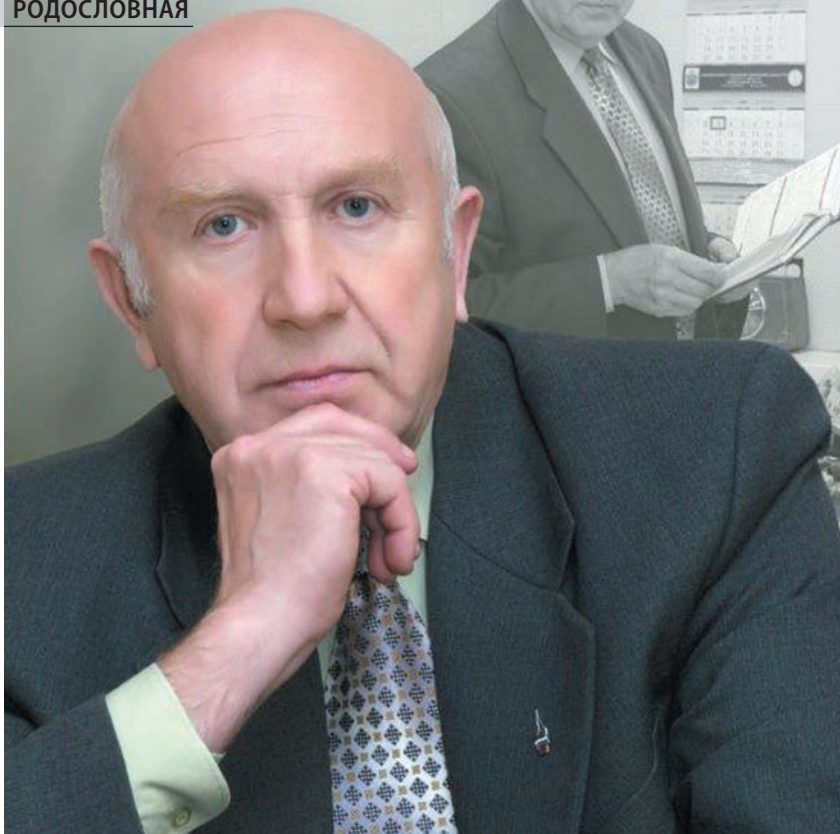

Жить по совести — завещано предками

В последнее время социологи всё чаще отмечают у наших сограждан тоску по ушедшим временам. Причём те, кто жил в них, сожалеют о потерянном, рождённые позже — узнают об этом по рассказам и пересказам...

Всё это вполне объяснимо: пусть и не было изобилия, но были стабильность, уверенность в завтрашнем дне, социальная справедливость. Родители могли спокойно рожать и воспитывать детей — хватало и детских яслей-садилов, и школ, стодвадцатирублёвой зарплаты, чтобы прокормить и вырастить всех, дать образование. После школы можно было выбрать себе рабочую профессию по душе или, получив высшее образование, стать инженером, учёным, деятелем искусства... Сегодня многие пытаются «замутить» нашу историю — выставить негативные факты в приоритет. Господь им судья. Для меня история страны неразделима с моей семьёй.

...Мои предки в стародавние екатерининские времена пришли из вольницы Запорожской Сечи, славившейся своей подлинной, народной демократией. Туда сбегали со всей необъятной страны те, кто не желал мириться со своей долей униженных и оскорблённых, вместе с такими же вольнодумцами — независимыми хлебопашцами-воинами, могущими достойно защитить себя и свои семьи от произвола и от внешнего врага. Причём, в отличие от преступников, которые сбегали от наказания из старушки-Европы в Новый Свет и «покоряли» там местных жителей, уничтожали их, а на отнятых территориях по-варварски добывали нефть и золото, наши вольные казаки

разрабатывали неосвоенные земли, растили хлеб, создавали поселения, охранявшие границы государства Российского, терзаемого иноземными набегами. Здесь и произошло смешение кровей русских и малорусских, татарских и еврейских. И жили все мирно, создали культуру общую, где перемешались традиции, обычаи, суеверия. И не делились по национальностям русский или украинский земледелец или рабочий, еврей-портной или сапожник, татарин-дворник или служащий. Если в детстве и были ребячьи драки — то улица на улицу, родня за родню, и никакого «национального признака».

...Сошлись мои предки — казаки и хлебопашцы, породнились и пустили мощные корни в южном российском пограничье на берегах Сейма, поставили хаты, соломой и камышом крытые, навозом и глиной мазанные, известью белённые. Вели хозяйства крепкие, растили детей — себе и государству опору. Дед мой Иван Борисович работал наборщиком в корневской типографии, с женой Прасковьей, удостоенной Родиной

золотого знака «Мать-героиня», родили двенадцать детей, двое из которых умерли в младенчестве от тифа. Другой дед — землепашец Владимир Митрофанович, сгинув без вести в Великую Отечественную, оставил на хрупких плечах «серебряной» матери-героини Ирины Игнатьевны девять белокрысых и чернявых хлопцев и дивчин. Кого смогла — сберегла, одного мальчика не спасла в лихие годы оккупации — схоронила в своём садочке под яблонькой. А двоих старшеньких прикрыла собой, когда немец автомат уже навёл... В память о пережитом заикались оба брата Виктор и Николай всю жизнь.

Жили и Мусияченко, и Лагутины крепко, в колхозы сами вступили, никто не загонял, понимали —гуртом легче. И даже во времена фашистской оккупации совместные хозяйства на нашей земле сохранялись. Коллективизм — в крови народа. Надо сруб поставить или хату обмазать, не только родня, но и соседи приходили на помощь. Колодец вырыть или почистить — тоже вместе. Праздники, радости и